

злоумышленного тайного общества, имевшего целью введение в России конституционного правления.

Столь милостивое наказание г. Сухорукова за одно из величайших преступлений, — долженствовало бы заставить его почувствовать вину свою, и стараться загладить оную ревностным усердием к службе, безусловною покорностью воле начальства, похвальным образом мыслей и примерно-скромным поведением.

Но, к сожалению, опыт показал противное. Сотник Сухоруков в разных статьях, печатаемых им в повременных изданиях, говоря о военных действиях Отдельного Кавказского корпуса, принимает тон решительный, и выходя на сцену своим лицом позволяет даже себе судить о распоряжениях начальства, тогда как у нас строго наблюдается, чтобы о настоящих или новейших событиях военных ничего без ведома и дозволения правительства не печаталось. Ваше сиятельство между прочим усматривать сие изволите из помещенной в прилагаемом у сего 153 № Северной пчелы статьи под заглавием «Ответ на поправки господина В. Сухорукова моих писем из Кавказского корпуса».

По всем таковым причинам государю императору благоугодно было высочайше повелеть мне покорнейше просить вас, милостивый государь, о приказании опечатать бумаги Сухорукова и прислать оные ко мне, самого же его отправить с нарочным фельдъегерем на Дон» (подпись управляющего главным штабом А. И. Чернышева) ²².

Фельдъегерь прибыл в Тбилиси 13 января 1830 г.

Повеление царя было выполнено в тот же день со свойственной чиновникам аккуратностью и усердием. Карета умчала Сухорукова из Грузии на место новой ссылки — в далекую и суровую Финляндию, а его опечатанные бумаги были отправлены в Петербург, в главный штаб военного министерства.

Следует отметить, что за 120 лет, прошедших со дня этого происшествия, мемуаристы и специалисты строили различные предположения о причинах столь поспешного загадочного ареста и новой ссылки Сухорукова, так как приведенный выше документ по приказу Чернышева хранился среди сугубо секретных бумаг, а сам Сухоруков почему-то упорно скрывал от всех тайны своей биографии (не потому ли, что в деле были замешаны его покровители Грибоедов и Санковский?).

После ссылки Сухорукова в «Тифлиссских ведомостях» за 1830—1831 гг. не появлялось ни одной полемической статьи против «Северной пчелы». Повидимому, напуганные Паскевич, цензура и сам Санковский проявляли сугубую осторожность. Место Сухорукова позже занял в редакции журналист Г. Гордеев. Однако и в эти годы в газете часто встречается декабристский материал. Именно к этому периоду относится усиление сотрудничества Бестужева-Марлинского в «Тифлиссских ведомостях». На страницах этой газеты в 1831 г. были опубликованы известные записки покойного Грибоедова об учреждении Российской за-кавказской кампании, анонимный очерк «Могила Грибоедова», а также ряд других важных материалов, свидетельствующих о передовом направлении газеты.

Как бы выждав, пока забудется история с арестом Сухорукова, заменивший его Г. Гордеев выступил в 1832 г. в «Тифлиссских ведомостях» с большой, резко критической статьей, направленной опять-таки против болгаринской прессы. Полемический характер статьи подчеркивался уже самим заголовком: «Возражения господину Х. Ш..., на письма его к Ф. Булгарину, помещенные в 9 №, Северного Архива 1829 года».

Гордеев касается уже не военных вопросов, а оценки Грузии, быта и характера населения Грузии. Он резко критикует некоего реакционера Х. Ш..., оклеветавшего грузин в своих письмах, адресованных к прож-

²² Центр. Гос. воен.-истор. арх. (в Москве). ф. 36, о. 7/850, св. 53, № 117, л. 1—2 (печатается впервые).